
«КОДЕКС ЧЕСТИ» РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИКА: НАБРОСКИ К ПРОГРАММЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

И.А. Шмерлина

Центр методологии федеративных исследований
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Пречистенская наб., 11, Москва, Россия, 119034

В статье представлена аналитическая реконструкция социального типажа российского чиновника. Работа выполнена в парадигме надличностного подхода с использованием концептуальных ресурсов теорий социального аутопойезиса Н. Лумана и бюрократии М. Вебера. Показано, что подобный подход способен достаточно тонко отразить психологические и поведенческие особенности социального типа чиновника, в том числе такую существенную черту его профессионального этоса, как бюрократический формализм.

Ключевые слова: чиновник, профессиональный этос, рациональная и патримониальная бюрократия, идеальный тип, аутопойезис, структурное сопряжение.

Главнейший принцип английской судебной системы сводится к тому, чтобы создавать тяжбу ради самой тяжбы на пользу самой себе. Нет другого принципа, который проводился бы столь же отчетливо, определенно и последовательно по всем ее извилистым и узким путям. Если посмотреть на нее с этой точки зрения, она покажется вполне стройной и логичной системой, а вовсе не теми непроходимыми дебрями, какими ее считают непосвященные. Но пусть они, эти непосвященные, хоть раз ясно поймут, что ее главный принцип — это создавать тяжбу ради самой тяжбы себе на пользу, а им во вред, и они, безусловно, перестанут роптать [3. С. 619].

Из предположения о том, что индивиды в своем поведении материализуют общество, в качестве следствия вытекает гипотеза, будто структурные проблемы общества (к примеру, далеко продвинувшаяся дифференциация без достаточной интеграции или противоречия в структурах и поведенческих ожиданиях в обществе) предстают в виде *неадекватного индивидуального поведения* и могут становиться здесь предметом эмпирического описания. ...Но даже если подобные связи можно показать статистически, остается вопрос о том, *как* индивид приходит к тому, чтобы на себе самом выказывать — или не выказывать — симптомы общественных патологий. Но, прежде всего, следовало бы поразмышлять над тем, какие структурные проблемы общества вообще могут превращаться в неадекватное индивидуальное поведение [7. С. 24].

Настоящая статья возникла как теоретические подступы к программе эмпирического исследования, посвященного мировоззрению и профессиональному этосу российского чиновничества. В подобном исследовании, казалось бы, изначально-

* Статья выполнена в рамках двух исследовательских проектов РАНХиГС: «Мировоззрение государственных и муниципальных служащих Российской Федерации: профессиональная этика, политические воззрения, особенности взаимодействия с центральной властью и местным населением» и «Предложения по совершенствованию критериев оценки эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти».

но ясно, что именно необходимо изучать и что будет получено в итоге. Однако по мере аналитического погружения этот вопрос утрачивал ясность. Что именно должно выявить это исследование? Психологические аномалии чиновничьей касты? «Социальные анклавы» ее социализации? Исторические корни этого сословия? Чтобы прояснить этот вопрос — на уровне внутреннего понимания обозначенной проблематики — и написана настоящая статья. Роль наших замечаний, строго говоря, служебная, поскольку характер предлагаемых в них гипотез требует, конечно, более фундированной проработки, нежели та, что представлена ниже. Не исключено, однако, что эта статья может иметь определенный эвристический смысл для более серьезных исследований.

Чиновник — слово почти ругательное. Градус общественной ненависти к этому персонажу доходит подчас до таких пределов, когда цитирование соответствующих фрагментов становится просто невозможным. Впрочем, подобное отношение к чиновнику сложилось задолго до современного социально-политического дискурса. В умной докладной записке «О прошлом и настоящем русской администрации», написанной Э. Берендсом в 1904 г. министру внутренних дел В.К. Плеве, указывалось, что отечественную историю сопровождает одно огорчительное обстоятельство: какое-то незатухающее недовольство государственной властью, постоянные нарекания в адрес чиновничества ввиду отсутствия честности и должной законности в ее деятельности... Даже в самом слове «чиновник», признавался в 1911 г. один наблюдатель общественных нравов той поры, есть что-то специфическое, и произносится оно «с едва уловимым оттенком в голосе — не то ироничным, не то пренебрежительным»... И действительно, в русской речи в адрес чиновников сложилась гряда обозначений явно негативного толка: «канцелярская крыса», «чинодрал», «приказная строка», «крапивное семя», «окурки», люди типа «что изволите» или «нос по ветру», «чернильные души», вероятно, от последнего была рождена А. Герценом метафора «чернильное дворянство», а К. Рылеев отзывался о чиновниках особенно резко — «лютое отродье» [2].

Лингвисты фиксируют своеобразные перемены, происходящие с данным концептом, — все более отчетливое замещение его ядерного элемента («государственный служащий») периферийным («человек, служащий без интереса, бюрократически») и «связанное с этим преобразование понятия из дескриптивного в оценочное ... современный чиновник стал олицетворением всего государственного зла и самые сильные оценочные синонимы прошлого — канцелярская крыса и крапивное семя — уступают место еще более эмоционально и социально насыщенному — социальный паразит ... В коммуникации частотны номинации паразитическое сословие чиновников, чиновники-коррупционеры, чиновники-взяточники, тупые чиновники, цинизм и безразличие чиновников» [16].

Социальный имидж российского чиновничества, многократно описанный в художественной и исторической литературе и имеющий массу живых подтверждений в наши дни, более или менее исчерпывающе представлен следующими характеристиками: включенность в «аппарат» как некая тесно связанная официальными и неофициальными связями и закрытая от внешнего мира структура управления; интеллектуальная ограниченность, невысокий уровень образования, низкий

культурный уровень; отсутствие специфических профессиональных знаний и умений, некомпетентность в своей зоне ответственности; доступ к общественным благам как функция места, а не собственных профессиональных и личностных качеств; дефицит моральных ограничений; демагогичность, лицемерие, ханжество; бездушные; формализм; низкий официальный заработок; коррумпированность; амбициозность; чиновничество.

Справедливое негодование, которое часто возникает при соприкосновении с этим персонажем в реальной жизни, подспудно содержит в себе некое изумление: откуда берутся эти люди? *Почему они такие?*

Существуют три (и вряд ли больше) принципиальных подхода к ответу на этот вопрос: психологический (в широком диапазоне от диагностики социально-психологического типа личности до психоаналитических погружений); исторический; институциональный. Согласно психологическому подходу, проблема эффективного функционирования государственной машины упирается в людскую психологию — личностный тип, мировоззрение и социальные установки людей, которые нами руководят. В качестве одиозного примера такого подхода можно привести «психоаналитическое исследование сексуальной жизни отечественной бюрократии» В.Г. Колташова, в которой показано, «...насколько психология в современном мире неотделима от политики и критического анализа общества» [5]. Как справедливо утверждается в сочинении Колташова, «чиновник начинается с детства». Семейная и школьная социализация, неизменным атрибутом которой является страх и подчинение авторитету взрослых, формируют нравственные установки «будущего бюрократа», поскольку, как утверждается в книге, «именно нравственные установки делают человека чиновником» [5]. Эмоциональное резюме данного исследования таково: «каждый чиновник — исковерканная личность».

В целом, психологический подход к объяснению феномена чиновничества представляется непродуктивным, притом что вряд ли стоит оспаривать предположение, что к государственной службе тяготеют люди определенного психологического типа (что бы ни лежало в истоках этого типа — специфика социализации или врожденный психический профиль), точно так же, как специфическим психологическим обликом обладают те, кто идут в космонавты, музыканты, математики, вагонновожатые, учителя и т.д. Однако у каждого психологического типа есть альтернативные варианты реализации, которые задаются некими внешними обстоятельствами.

Культурно-историческая среда — важнейший из таких внешних комплексов, и историческая биография российского чиновничества помогает многое понять в анализируемом феномене. На эту тему написано много, и мы удержимся от соблазна нанизывания сочных цитат (прекрасный подбор последних можно найти в [2; 14]). Приведем лишь одну — классический фрагмент из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, в котором точно схвачены некоторые специфические черты этоса российского чиновничества: «...Всекий знает, что такое чиновник русский, из тех особенно, которые имеют ежедневно дело с публикою: это нечто сердитое

и раздраженное, и если не высказывается иной раз раздражение видимо, то затаенное, угадываемое по физиономии. Это нечто высокомерное и гордое, как Юпитер. Особенно это наблюдается в самой мелкой букашке, вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Посмотрите на него, вот он занят делом, „при деле“: публика толпится, составилась хвост, каждый жаждет получить свою справку, ответ, квитанцию, взять билет. И вот он на вас не обращает никакого внимания. Вы добились наконец вашей очереди, вы стоите, вы говорите — он вас не слушает, он не глядя на вас, он обернул голову и разговаривает с сзади сидящим чиновником, он взял бумагу и с чем-то справляется, хотя вы совершенно готовы подозревать, что он это только так и что вовсе не надо ему справляться. Вы, однако, готовы ждать и — вот он встает и уходит. И вдруг бьют часы и присутствие закрывается — убирайся, публика!.. Грубость, невнимательность, пренебрежение, враждебность к публике, потому только, что она публика, и главное — мелочное юпитерство. Ему непременно нужно выказать вам, что вы от него зависите... Ему нужно кому-то отомстить за какую-то обиду, отомстить вам за свое ничтожество» [4].

При всей богатой фактичности *культурно-исторический* подход содержит методологический изъян, в значительной степени обесценивающей его эвристические возможности. Дело в том, что многие характеристики чиновничества имеют статус универсалий и обнаруживаются в самых разных социокультурных средах. Это обстоятельство позволяет задуматься о возможности иных методологических подходов к анализу чиновничества — антропологического и даже этологического. В частности, такую существенную черту чиновника, как «коррупциогенность», можно весьма убедительно объяснить «человеческой природой» либо базовой предрасположенностью живых существ максимизировать использование наличных ресурсов путем стихийного выстраивания определенных структур доступа [15]. Последнее предположение сопряжено с погружением в проблематику инвариантных параметров взаимодействия живых систем с внешней средой, первое же лежит на поверхности и часто звучит в нарративах, выполненных в жанре здравого смысла: «...коррупцию искоренить невозможно. Это связано с сущностью человека. Я думаю, что коррупция связана во всех странах мира»; «Там, где можно заработать деньги, люди их зарабатывают. Когда это незаконный способ — то это незаконный способ» [13].

Не стоит брезгливо отворачиваться от подобных объяснений — в них есть момент истины. Однако ни антропологический, ни этологический подход не выводят на комплексное понимание феномена чиновничества, в частности не объясняют такой важнейшей его черты, как формализм. Поэтому эти подходы можно использовать как некий вспомогательный объяснительный ресурс, но не как ту платформу, на которой можно выстроить убедительное объяснение. Подобную платформу можно скорее найти в третьем из обозначенных подходов — *институциональном*. Он, в свою очередь, допускает дальнейшую дифференциацию и может быть реализован в институционально-историческом виде, организационно-структурном и так называемом культурологическом, связанном с извлечением

смыслов. Первый из названных выше вариантов (институционально-исторический) сливается с историческим подходом, специфицируя последний. Анализ организационной структуры и формальных принципов государственного менеджмента мало что даст без подключения *смысловой перспективы* деятельности. Именно на последней, причем рассмотренной в довольно радикальном варианте абстрактного теоретического дискурса, сфокусировано дальнейшее изложение.

Для подобного подхода к проблеме имеются мощные теоретические ресурсы — концепция социального аутопойезиса Н. Лумана и теория бюрократии М. Вебера, а также концептуальный аппарат семиотики. Методология последующего анализа базируется на теории бюрократии, прочитанной через концепцию аутопойезиса. В фокусе анализа при этом оказываются не функциональные элементы государственной машины и не психология людей, обслуживающих последнюю, но смыслы, управляющие движением государственно-бюрократического аутопойезиса. Подобная переориентация внимания позволяет увидеть социально-психологический профиль чиновника — его ценностные, мировоззренческие и поведенческие установки — в принципиально непсихологическом, надличностном плане. В этом плане чиновник, его человеческое естество оказывается внешней средой института государства.

Концептуальная сетка последующего изложения выстроена на следующих тезисах.

1. Государство представляет собой отдифференцированную (по Луману) социальную систему, которая функционирует и развивается автономно, на основе собственных институциональных смыслов и организационных принципов.

2. Эти смыслы и принципы следует понимать в очень формальном, бессодержательном плане. Иначе говоря, речь идет не об общественных идеалах и ценностях, а о механизмах, обеспечивающих функционирование государственной машины. Эти механизмы описаны Вебером в модели рациональной бюрократии. Привнесение в нее ценностей типа «общественное благо» дает ненужный шум, сбивая логику анализа и выводя из фокуса механизм государственного аутопойезиса.

3. Чиновники как профессиональная группа, с которой связаны многообразные проявления общественного негодования и, реже, общественных ожиданий [12] могут быть рассмотрены в двух принципиальных планах: как люди, индивиды со своей специфической социальной психологией, мотивацией, профессиональным этосом и т.п.; как функциональные элементы политической системы общества, обеспечивающие ход государственного аутопойезиса.

4. Различение этих двух аспектов позволяет выстроить модель «система — внешняя среда». Что является системой, а что средой — в данном случае непринципиально. Важно лишь не смешивать эти два аспекта. В дальнейшем, исходя главным образом из «вкусовых предпочтений», будем понимать под системой бюрократическую машину государства, а под средой (наряду со всеми прочими ее элементами) — людей, втянутых в зону ее действия. Строго говоря, здесь следует вести речь не только о чиновничестве, но и о населении, которым оно «обслужи-

вается». Если вспомнить тот некий, слабо артикулированный, но различимый тем не менее фон оправдания и легитимации, которую получает в российском общественном сознании коррупция [15], этот тезис не потребует дальнейших обоснований.

5. Различение «система — внешняя среда» неявно предполагает, что между этими двумя элементами существуют определенные отношения. Было бы большим упрощением понимать внешнюю среду всего лишь как не-систему, т.е. как то, что не является системой. Внешняя среда — это все то, что не является системой, но по отношению к чему система небезразлична, что важно с точки зрения ее функционирования, с чем она вынуждена считаться, что составляет ее «жизненный мир». Подобная постановка проблемы задает тематику структурного сопряжения как важнейшего аспекта анализа комплекса «система — внешняя среда» (1).

«Функциональная дифференциация зиждется на оперативной замкнутости функциональных систем под влиянием самореференции» [8. С. 172]. «...Понятие „государство“ служит внутреннему самоописанию (рефлексии) политической системы... и его не следует смешивать с общественной функцией этой системы: принимать коллективно обязывающие решения...» [8. С. 183]. «...Политическая система должна отказаться от представления о том, что этическая добродетель ...может найти выражение непосредственно в политической деятельности. ...В результате политика впоследствии соглашается на собственный государственный интерес, создавая анклав для аморальных действий (в экстренных случаях), тогда как мораль... может подвергаться приватизации» [8. С. 140]. О чем, собственно, речь? Переводя герметичный язык лумановской теории на язык более понятных и, что неизбежно, более плоских суждений, государство следует понимать как отдифференцированную (критерием или смыслом дифференциации при этом выступает *власть*) социальную систему, функциональное предназначение которой — «принимать коллективно обязывающие решения». Иначе говоря — управлять. Государство как отдифференцированная общественная сфера — *просто* система управления. *Просто* системой управления оно становится, видимо, только на определенном историческом этапе — возникновении современной западной политической системы. Существует ли государственный аутопойезис в обществах патриархального и авторитарного типа — вопрос, не допускающий легкого ответа. Скорее всего, там имеет место иной тип общественной дифференциации (в лумановском смысле), но это не более чем «нулевая гипотеза», которую мы оставляем без дальнейшего рассмотрения.

Как бы то ни было, современное западное государство достаточно аутентично может быть описано моделью аутопойезиса. Это система управления, имеющая своей целью координацию общественной жизни и в конечном счете улучшение последней. Однако о целях следует до поры до времени забыть, сосредоточившись на функциональном предназначении государства. Созданное для того, чтобы управлять, оно воспроизводит себя как система управления, и основной «заботой» государства является именно это — бесконечное рекурсивное воссоздание себя как системы управления, а отнюдь не «общественное благо».

Иначе говоря, государственная машина существует *не* для того, чтобы обеспечивать благоденствие подданных государства и даже *не* для того, чтобы обеспечивать эффективное функционирование областей, лежащих за пределами государственной сферы (хотя и создана для этого). Она существует и *не* для того, чтобы обогащать чиновника (и создана не для этого). Государственная машина существует для создания правил и отправления процедур управления. Правила и процедуры управления — вот сфера аутопойезиса государства и его наиболее аутентичного идеального типа — веберовского рационально-бюрократического государства, построенного на примате формального правила и процедуры: «...Высокий рационализм сильной власти заключается не в преследовании форсируемых и тем не менее всегда остающихся проблематичными хороших целей, но в том, что все большее число возможностей подвергается все большему числу ограничений. Рациональность как раз и состоит в этой связи возможностей и ограничений, а отнюдь не в степени эффективности властных действий. Рост рациональности требует все более абстрактных критериев принятия решений» [6. С. 125].

Именно аутопойезис государственной машины описывает Вебер, когда вменяет чиновнику служить букве закона. Это абсолютно нежизнеспособное требование, если понимать его буквально, как тип человеческого поведения. Но это предельно точная характеристика бюрократической системы, если рассматривать ее с точки зрения характера ее аутопойезиса. Понимая это, нетрудно увидеть, что Вебер описывает не социальную группу (не людей с определенным социально-психологическим профилем), а функциональные элементы бюрократической организации, «отличающейся особым способом функционирования: она порождает решения посредством решений» [8. С. 267].

Важно помнить, что Вебер выделяет не историческую, а метафизическую реальность — идеальный тип. В этой аналитической конструкции, с одной стороны, эксплицированы важнейшие черты фактически существовавших государственных устройств, с другой — она отражает представления ее автора о должном — как *должна была бы* функционировать идеальная государственная машина во имя общественного блага и процветания. О том, что подобной идеальной машины не существует, догадывался и сам Вебер, много внимания уделивший проблеме экспансии власти бюрократии, ее стремлению к неограниченному господству (этот и другие аспекты веберовской теории бюрократии хорошо изложены в [10]).

Однако дело не только в разрастании бюрократии. Уже сам идеальный тип, предполагающий холодный и ответственный формализм (нетрудно увидеть здесь «избирательное сродство» [1] с кантовским нравственным идеалом), неизбежно «исправляется» реальностью. Иначе говоря, заложенные в нем смыслы (воплощенные в соответствующих концептах и постигаемые акторами через последние) разворачивают свою собственную логику, давая в результате нечто совершенно иное, чем было «придуманно» в очищенной от реальности модели. В том, что это действительно так, легко убедиться на примере одного из конституционных признаков рациональной бюрократии: «...управление основывается на письменных документах, что делает канцелярию центром современной организации» (Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Цит. по [10]).

В реальной жизни принцип строго документированного, «бумажного» ведения дел получает гротескное выражение и превращается в один из самых *иррациональных* атрибутов рациональной бюрократии. «Бумаготворчество было отличительной чертой деятельности учреждений. По каждому делу, из которых многие тянулись годами и даже десятилетиями, накапливались горы бумаг, что создавало порой непреодолимые сложности в понимании сути дела. Так, дело о злоупотреблениях коллежского советника Марцинкевича — комиссионера по винным откупам в Пензенской губернии решалось в течение 10 лет и составило около 20 000 листов. Когда сенатор Горголи во время ревизии губернии пожелал ознакомиться с ним, „...ему привезли две телеги бумаг и книг, которые заняли целую комнату. Через две недели возвратили, как будто была возможность в этот, столь короткий срок составить себе из такой массы бумаг какое-нибудь понятие о сущности дела и правильности или неправильности решения“» [14].

«Вдруг из зала [суда] стали выносить громадные кипы бумаг — кипы в мешках и кипы такой величины, что в мешки они не влезали, словом — неохватные груды бумаг в связках всевозможных форматов и совершенно бесформенных, под тяжестью которых тащившие их клерки шатались и, швырнув их до поры до времени на каменный пол зала, бежали за другими бумагами. Хохотали даже эти клерки. Заглянув в бумаги, мы увидели на каждой заголовочек “Джарндисы против Джарндисов” и спросили какого-то человека (по-видимому, судейского), стоявшего среди этих бумажных гор, кончилась ли тяжба. — Да, — сказал он, — наконец-то кончилась! — и тоже расхохотался» [3. С. 961—962]. «Благоговейное отношение к канцелярской работе, воспитанное многолетней службой, сохранялось у чиновников и после выхода в отставку, проявляясь порой самым анекдотичным образом. Так, дед Веселовского, дослужившийся до советника Нижегородской казенной палаты, в старости заставлял такого же старика-писца переписывать старые бумаги; по словам внука, „это бесцельное переписывание бесполезных бумаг представляло наглядное применение в канцелярской сфере теории “искусства для искусства“» [14]. В этом самодостаточном, доходящем до сюрреализма, бумаготворчестве отчетливо проступают черты бюрократического аутопойезиса. Нет никаких сомнений, что это не национальная и институциональная характеристика.

Как любая система, бюрократическая государственная машина испытывает толчки со стороны внешней среды, будь то люди или иные общественные сферы. Но, как любая аутопойетическая система, она способна воспринять лишь те толчки, в отношении которых она «настроена» (т.е. в тех зонах, где имеет место структурное сопряжение между системой и внешней средой) и только теми способами, которыми она располагает и которые позволяют ей сохранить самое себя. Уместно вспомнить отчаянные жалобы представителей «бюджетных профессий», подконтрольных государственным органам, например учителей, задавленных бюрократическим бумажным управлением: «Мы устали от бюрократической бумажной волокиты. Мне бы вот лично уже некогда работать. Бесконечные отчеты, планы, то есть мы чем дальше, тем больше выстраиваемся в струнку перед управлением образования. Чиновники начинают нам диктовать. Ни о каком творчестве и речи быть

не может. Нам говорят: создайте программу. Мы целый год работали над программой развития, она получилась у нас хорошая, интересная, наша, индивидуальная. 1 сентября наступило — вот такое количество телефонограмм. Вот это проведите, а как же наша программа, как же наши планы? Зачем мы их составляли? Зачем мы цели и задачи себе ставили? Мы настроились на то, чтобы выполнять свою собственную программу развития. А нам говорят, проведите это. Почему мы должны проводить? У нас этого нет в программе, нет в плане. То есть чиновники уже настолько сели нам на шею, на голову. Вот это моя мысль — мне некогда работать. Я только бумажки пишу» [11].

При всем сочувствии к бедным педагогам следует понимать, что бюрократическая машина не может работать иначе. Для того чтобы воссоздавать себя как систему управления, на любые «требования жизни» она должна отвечать так, как «умеет», — теми или иными управленческими решениями. Отсюда неизбежно присущее ей разбухание всевозможных распоряжений и циркуляров, неумеренное бумаготворчество и разрастание бюрократического аппарата. Заметим, что последнее — одна из тех имманентно присущих государственно-бюрократической машине черт, которые никак не объяснишь «психологией чиновника». Зачем последнему стремиться к умножению себе подобных? Все, что способна породить государственная машина, опирающаяся на формально-бюрократические методы управления, всегда и неизбежно лежит в пределах изначально очерченных смыслов. Это семиотический аспект проблемы, и он здесь важен. Любое бюрократическое «творчество» связано с экспликацией и развитием смысловых комплексов, на которые она изначально настроена.

Вопрос о возможности порождения новых смыслов в пределах существующего аутопойезиса мы решаем более жестко, нежели Луман, который оставил его открытым: «Если предположить, что может быть осуществлена дифференциация медийного кода и коммуникационных тематик... то возникает вопрос, а может ли код, и если да, то как, *управлять сменой тематик?* Разделение этих двух смысловых уровней оправдано лишь в том случае, если код не предписывает конкретно, какие именно следует отдавать распоряжения. Код, как и язык, остается абстрактным лишь до тех пор, пока он не устанавливает никакой последовательности тематических коммуникаций. Однако он не может оставаться полностью индифферентным по отношению к границам тематических возможностей. Регулируя тематики, код определяет условия их возможности. Вопрос здесь состоит в том, в какой степени подобные «условия возможности» одновременно выполняют регулятивную функцию общего управления коммуникативным процессом?» [6. С. 62].

Чиновник не может и *не должен* вводить новые смысловые комплексы, он создан не для этого, а с прямо противоположной целью. Он должен их поддерживать, постоянно воспроизводя в конкретных решениях в связи с конкретными управленческими задачами. Внедрение в эту систему новых смыслов должно происходить извне — эти смыслы суть сырье, которые перерабатываются аутопойетической системой (2). Откуда поступают смыслы — вопрос с точки зрения функционирования системы вторичный (хотя с точки зрения благоденствия обществен-

ного целого важнейший). Это могут быть иные общественные системы (прежде всего, видимо, политическая — здесь важно разграничить политический и государственный аутопойезис) или личность, индивид, причем вовсе не обязательно харизматический лидер.

Парадоксальную роль в этом плане приобретает взятка. Некоторые исследователи и эксперты, близко знакомые с феноменом российской взятки, придают ей значение проводника новых смыслов, размыкающего «плохой аутопойезис» государственной машины: «...На помощь сторонникам нового приходит, как ни парадоксально, взятка, с помощью которой удается чуть-чуть расширить свободу действий прежде всего в экономической области. Через корыстную поддержку открывались новые фабрики и рудники, строились железные дороги, модернизировался флот (военный и гражданский)... Любой русский промышленник и общественный деятель мог привести сотни примеров, показывающих, как взятка выступала толкачом экономического, научно-технического и даже шире — общественного прогресса в обход устаревшим законам. “В стране с отсталым политическим строем, с отсталым законодательством взятка... сплошь и рядом выступала в “конституционной” роли”» [2]. Конечно, это не оправдывает взятку, но разговор идет в плоскости, исключающей моральные оценки. Взятка выступает в роли корректирующего механизма, открывающего возможности развития для иных систем, но загоняющего «плохой аутопойезис» государственной машины в состояние стагнации.

Вернемся к главному персонажу исследования — российскому чиновнику. Взятый в ракурсе российского бюрократического аутопойезиса, он может быть только таким, каков есть. Разгадка его профессионального этоса лежит, по-видимому, в этих двух спецификациях — «русский» и «бюрократический». Хорошо известна трактовка российского чиновничества как исторической разновидности патримониальной бюрократии. Симптоматично, однако, что сам Вебер относил царскую государственную машину к разряду рационально-бюрократических систем [10]. Предпринятый нами беглый теоретический анализ заставляет склоняться скорее к последней трактовке. В то же время богатая фактура российской политической действительности оставляет место и для второго предположения. Предварительное решение этой дилеммы могло бы выглядеть следующим образом: рациональная бюрократия, отягощенная патримониальными структурами, действующими как неформальные механизмы власти (3).

Подобной контаминацией можно объяснить еще один специфический момент институциональной включенности взятки в российскую политическую систему, связанный уже не с «исправлением» официального — бессмысленного и неэффективного — рационально-бюрократического аутопойезиса, а с ритуальным поддержанием неформальных структур патримониального уклада: «...Подлинное объяснение nepотопляемости российского взяточничества, — считал П. Берлин, — надо искать в том, что оно у нас “неразрывно слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни”... Привлекая современный научный язык, скажем, взяточничество — латентная функция политической власти, ее устройства и функ-

ционирования. Оно существует как способность своеобразной дани административным лицам, имеющим общественную и особенно политическую власть за предоставляемые ими льготы, “послабления”, уступки, казенные подряды и заказы, субсидии и гарантии тем, кто их за это “отблагодарит”, причем дело не в конкретных лицах (хотя и это важно), а в структурной взаимосвязи властеотношений в целом... Неразрывная сплетенность показной политической благонадежности с лубочным патриотизмом составляла любопытную национальную черту процесса самовоспроизводства взяточничества. “Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и обманывают, и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении они всегда являются наиболее угодливым элементом”... Хотя взяточник в моральном отношении и гнилая, но все-таки какая ни есть подпорка режиму. Это пронизательно почувствовал уже Салтыков-Щедрин писавший в „Помпадурах и помпадуршах“: “... что... может быть покладистее, уживчивее... хорошего, доброго взяточника... он готов ужиться с какою угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно бога”» [2].

Самореференция государственного аутопойезиса реализуется в конкретных решениях конкретных людей, что неизбежно ведет к психологизации и антропологизации власти в обыденном сознании. Концепт «чиновник» — отражение такого рода смещения. В аналитическом плане это ход тупиковый. Как подчеркивает Луман, «решающее для кода власти значение имела дифференциация должности и лица, формирование связи между властью и должностью, а не между властью и личностью» [6. С. 61].

Что в таком случае должна отразить аналитическая категория «мировоззрение чиновника»? Ближайшим ответом будет — структурное сопряжение системы власти и личности. Этот формальный ответ довольно сложно реализовать содержательно, хотя иногда он почти проступает на поверхности — в случае «клинических проявлений» бумаготворчества или, например, ситуациях, когда непосредственный контакт с чиновником позволяет четко различить стили его поведения в неформальной обстановке и в официальном кабинете: «Когда выходишь на вертикаль власти, дружеские связи не срабатывают» (Д. Рогозин, из частной беседы).

Четкая дифференциация личностной и служебной сфер жизни — одна из характерных особенностей профессионального этоса чиновничества и одно из базовых, «экзистенциальных» противоречий его социального существования. В своем мироощущении и поведении чиновник воспроизводит логику аутопойетической системы государственной власти, и, делая это, оказывается бездушным формалистом, лицемером, носителем двойных смыслов и т.д. и т.п. Это не его экзистенциальные черты, но отраженная логика системы, построенной на двойных смыслах. За патриотическим фасадом любой государственной системы стоит бездушная машина производства управленческих схем, и странно было бы обличать бездушные этой машины, поскольку именно схемы, правила и процедуры составляют ее «кровь и плоть», а излишняя «душевность» грозит рассыпанием ее аутопойе-

зиса. Именно этот двойной смысл воспроизводит «лицемерный» чиновник, когда, прикрываясь радением о государственном благе, на деле всего лишь «занимается формализмом». С государственным аутопойезисом связан и апломб, органически присущий любому чиновнику и отличающийся лишь по форме проявления, зависящей от интеллекта, воспитания и темперамента носителя «государственной воли». Основной ресурс и медиа государственной машины — власть, что, несомненно, преломляется в мировоззрении чиновника, поскольку именно в его деятельности она реализуется.

Является ли казнокрадство и взяточничество такой же «системной необходимостью»? Мы уже говорили о культурно-исторических и институциональных истоках этого явления, о причудливом сочетании в российской государственной системе логики рациональной и патримониальной бюрократии. Можно предложить и более радикальную версию, согласно которой взяточничество выступает как своего рода «экологическая проблема» аутопойетической системы рациональной бюрократии. Любая открытая система поддерживает свою организацию, «сопротивляясь» второму закону термодинамики, за счет повышения уровня энтропии в окружающей среде (достаточно вспомнить многочисленные примеры разрушения среды обитания представителями разных видов — отнюдь не только человеком). Возможно, «коррозия» «человеческого материала» и есть некая «экологическая плата» за бюрократический порядок?

В этом отношении показательны свидетельства исследователей, фиксирующие тенденцию к переоценке веберовского идеала рациональной бюрократии: «В последние десятилетия в мире постепенно набирает силу комплекс идей, противоположный веберовским представлениям об идеальной бюрократии. Речь идет об уменьшении роли традиционной “лестницы чинов”, о том, что работу чиновников следует оценивать по четко измеряемым результатам, что государственные органы обязаны служить прежде всего интересам и потребностям граждан, а не абстрактным интересам государства и так далее. Но реформы подобного типа не везде идут успешно, и веберовские представления о бюрократии пока рано списывать со счета» [9]. Возможно, тема «эффективности, качества и доступности госуслуг», стоящая в сегодняшней официальной повестке дня, как раз отражает попытку такого рода реформирования, причем попытку, предпринятую в рамках существующего государственного аутопойезиса, исход которой очевиден.

Вернемся в заключение к вопросу о природе и источниках идейного содержания государственного аутопойезиса. Важно не смешивать две вещи — культурно-нравственную легитимацию государства и внутренние смыслы, или коды функционирования государственной машины. Это принципиально разные вещи. При всей своей процессуальной «бездушности» любая бюрократическая система нуждается в некоем нравственно-ценностном оправдании — «звездном небе» над головой. Без определенных культурно-нравственных максим не может обходиться ни одна социальная система, а конкретное наполнение этих максим зависит от идейных ресурсов, которыми располагает «обслуживающий» данное общество культурный универсум. Патримониальная бюрократия находит легитимацию в рыцар-

ском этическом комплексе личной преданности, рациональная бюрократия — в «кодексе чести», формирующем своеобразный «этнос гражданской службы» (выражение Д. Битэма: *Beetham D. Bureaucracy. Milton Keynes, 1987. P. 42, 43.* Цит. по [10]). «Кодекс чести» — понятие, введенное М. Вебером, — несет ярко выраженную позитивную оценку социальных взглядов и паттернов поведения «настоящего» (идеально-типического) бюрократа. «Как указывает Д. Битэм, помимо чувства служебного долга такой кодекс подразумевал веру чиновников в свою высшую компетентность. Кроме того, для них была характерна гордость своей беспристрастностью, внепартийностью, истинным пониманием национальных интересов» [10].

При некоем аналитическом усилии нетрудно разглядеть «черты» подобного комплекса в том неприятном типаже, который ассоциируется в общественном сознании с понятием российского чиновника. Житейские наблюдения дают замечательные свидетельства того, что даже самые прожженные взяточники не чужды представлений о должном и справедливом. В сложных ситуациях, когда ломается привычный «институциональный порядок», они порой прибегают к высокой риторике, с трогательной убежденностью выстраивая систему внешней легитимации своей незаконной деятельности. Так, сотрудник патрульно-постовой службы, столкнувшись с сопротивлением нарушителя, отказывающегося играть «по правилам» и ломающего некие извращенные представления о социальной справедливости, восклицает: «Вот из-за таких, как ты, гибнет Россия! Наши ребята стоят здесь в мороз, в холод, а ты... нарушаешь! врешь!...» (этнографические наблюдения Д. Рогозина, из частной беседы).

Однако ни комплекс личной преданности, ни «кодекс чести» не имеют никакого смысла для аутопойезиса государственной машины. Они относятся к ее внешней среде и, если и учитываются, то лишь как импульсы, которые должны быть переведены во внутренние коды восприятия и функционирования. Как подчеркивает Луман, эти культурно-нравственные максимы ни в коей мере не следует воспринимать как «методологическое руководство» для анализа государственного аутопойезиса: «...ни идеалы, ни нормы не могут служить основанием для методологического руководства... Ведь это только свело бы проблему к вопросу о том, почему общество само себя обременяет идеалами, которые оно не в состоянии полностью воплотить, и о том, как оно отбирает подобные идеи» [7. С.42].

Как же тогда вообще можно привнести *содержательно новые смыслы* в бездушный аутопойезис государственности и можно ли это сделать вообще? Иначе говоря, возможен ли государственный аутопойезис на иных, нежели рационально-бюрократические, началах? Было бы слишком самонадеянно пытаться ответить на этот вопрос в рамках настоящего текста. Однако стоит обратить внимание на то, что все случаи достаточно радикального отхода от формально-бюрократических начал в управлении, будь то демократические или тоталитарные системы, размыкают бюрократический аутопойезис, порождая, каждая по-своему, иные аутопойетические системы, со своими специфическими ресурсами, смыслами и «медиа». Одновременно они порождают иные социальные типажи, обслуживающие власть, как в плане мировоззренческих, так и поведенческих черт.

Итак, использованная нами система теоретических координат позволяет отвлечься от живых, «в плоти и крови» людей, от их детских и взрослых комплексов, жизненных установок и житейских принципов, биографических траекторий и статусных притязаний. Все это, безусловно, важно в ином, человеко-ориентированном ракурсе анализа, но находится вне аутопойезиса государственной машины, представляя собой ее внешнюю среду. Подобный подход позволяет выстраивать институционально-культурологический дискурс о чиновнике, рассматривая мировоззренческие и психологические черты последнего как производные, вторичные сущности — то, посредством чего система эксплицирует свои смыслы, воспроизводится и развивается. В заданной плоскости оказывается нерелевантным вопрос о личной ответственности, что вовсе не означает неуместности его постановки в границах иного дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Структурное сопряжение ('structural coupling') — термин принадлежит аутопойетической концепции У. Матурана и Ф. Варелы и описывает принцип взаимодействия аутопойетической системы с окружающей средой (в качестве которой может выступать другая аутопойетическая система), подчеркивая взаимную координированность их действий при сохранении аутопойетического модуса существования. Согласно данному принципу, система изначально «настроена» на параметры внешней среды, что позволяет ей учитывать возмущения последней и реагировать на них, исходя из своей собственной организации (включая возможность отбора возмущений, требующих реагирования).
- (2) Это полностью отвечает логике функционирования живых и жизнеподобных систем (к классу которых относятся аутопойетические системы), «нарушающих» второй закон термодинамики. Это системы открытого типа, обменивающиеся с внешней средой ресурсами и энергией, но закрытые в операциональном отношении.
- (3) Различению формальной и неформальной власти Луман придавал большое значение и видел в нем разновидность смежного кода, возникающего в любой сложной дифференцированной общественной системе [6. С. 66—67].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гёте И.В. Избирательное сродство // И.В. Гёте. Собр. соч. в 10 т. — Т. 6: Романы и повести. — М.: Художественная литература, 1978.
- [2] Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. II. — Вып. 3.
- [3] Диккенс Ч. Холодный дом / Пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой. — М.: ЭКСМО, 2010.
- [4] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. — URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0480.shtml
- [5] Колташов В.Г. Эрос и бюрократия. — URL: <http://lib.rus.ec/b/153381/read>
- [6] Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Практикс, 2001.
- [7] Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем., послесловие и примечания А. Антоновского. — М.: Логос, 2004.
- [8] Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. — М.: Логос, 2006.
- [9] Магун В., Гимпельсон В. Российский чиновник: вход и выход. — URL: http://wsyachina.narod.ru/social_sciences/russian_clerk.html
- [10] Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997.

- [11] Материалы исследования Фонда «Общественное мнение» «Национальный проект “Образование”» (2007 г.).
- [12] *Молодцов О.В.* Российский чиновник — двигатель отечественной инновационной экономики. — URL: www.ngpc.ru/file_db/Article_Path_54.doc
- [13] Отчет по результатам исследования «Особенности неформальных отношений в экономической и социальной сферах народного хозяйства» (РАНХиГС при Президенте РФ, 2011. Рукопись).
- [14] *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // *Человек*. — 1995. — № 3.
- [15] *Рогозин Д.М., Шмерлина И.А.* «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена [в печати].
- [16] *Сурикова Т.И.* Каков современный чиновник в русской языковой картине мира и за что? Лингвоэтические аспекты формирования концепта. — URL: http://ruskii-yazik.ucoz.ru/blog/kakov_sovremennyj_chinovnik_v_russkoj_jazykovej_kartine_mira_i_za_chno_lingvoticheskie_aspekty_formirovanija_koncepta/2010-12-24-2

THE RUSSIAN OFFICIAL’S “CODE OF HONOUR”: A DRAFT FOR THE EMPIRICAL RESEARCH PROGRAMME

I.A. Shmerlina

The Federal Research Methodology Center
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prechistenskaya emb., 11, Moscow, Russia, 119034

The article presents the analytical reconstruction of the Russian official’s social type. The work is implemented within the transpersonal approach paradigm and uses the conceptual resources of N. Luhmann’s theory of social autopoiesis and M. Weber’s theory of bureaucracy. The article shows that this approach can give a sufficient approximation of the psychological and behavioral features of the official’s social type, including such an intrinsic feature of its professional ethos as bureaucratic formalism.

Key words: a Russian official, professional ethos, rational and patrimonial bureaucracy, the ideal type, autopoiesis, structural coupling.